

Дмитрий Шеваров.

"Я, по всей вероятности, не переживу осени..."

О замечательной писательнице, о которой даже пронизательные критики писали только в насмешливом тоне

 Опубликовано здесь: [Газета "Первое сентября" N 68/2000](#)

...Однажды король и королева увидели женщину, закутанную в черное. Она шла навстречу королевской чете, едва касаясь ногами земли, легкая и спокойная.

- Мое имя Судьба, - сказала женщина...

Л.Чарская. Три слезинки королевы. 1906 г.

Ее книги читали при свече, керосинке, при пляшущем огне буржуйки, белыми ночами у раскрытого окна или на скамейке под липами. Над этими книгами счастливо забывались юные сестры милосердия в санитарных поездах Первой мировой войны. Над ними плакали русские изгнанники, увозившие книги своего детства в Константинополь, Прагу, Белград и Париж. Ветхие томики книжного товарищества Вольфа ленинградские девочки прятали на заветных полках, заворачивая в советские газеты.

"Записки гимназистки", "Княжна Джаваха", "Смелая жизнь"... До революции это были просто книги, они нравились двенадцатилетним девочкам и не нравились многим взрослым. Строгие критики их ругали, издатели наживали на них свои барыши... Но когда все сломалось - империя, границы, железные дороги, налаженный быт, эти сентиментальные книги чувствительных девочек стали чем-то особенным для всех, кому удалось их сохранить. И не только потому, что их перестали издавать и они стали редкостью. Жизнь, отразившаяся в этих книгах, исчезла как дым. Остались только эти страницы как частица утраченного детского рая, как последнее свидетельство о том, что он был...

Когда через семьдесят лет книги Чарской разрешили снова издавать, а дети вновь стали ими зачитываться, строгие критики поморщились: зачем нашим современным детям эти гимназические страдания, стихи в альбомах, этот восторженный стиль, который невозможно устарел? К счастью, у детей свой взгляд на то, что устарело, а что нет. В детских библиотеках книги Чарской почти всегда на руках, в книжных магазинах их купить так же трудно, как и в начале века. И взрослым, как и сто лет назад, трудно понять, как притягательна в двенадцать лет беспримесная чистота чувств, как прекрасна эта книжная жизнь, где черное - черно, а белое - белоснежно и у короля - доброе сердце.

Моя прабабушка читала Чарскую вслух моей маленькой бабушке в 1916 году. Бабушка вспоминает, что сама книга была ей не очень интересна, слишком девчоночьи там кипели страсти, а она росла в окружении братьев и вместе с ними увлекалась Майн Ридом. Но имя Чарской напоминает ей о том тихом вечере в приморском городе, когда мама была молодой, красивой и читала вслух новую книжку...

* * *

...Лежал король в постели и думал: "Как хорошо сознавать, что ты можешь делать добро несчастным: это лучшая радость королей..."

Л. Чарская

Это был ее сценический псевдоним - Чарская. Лидия Алексеевна Воронова, в замужестве Чурилова, выбрала его, когда в 1898 году стала играть на сцене Александринского театра. Ей было тогда двадцать два года.

Лида с медалью окончила Павловский институт благородных девиц. Первая повесть Чарской родилась из ее институтских дневников. В 1902 году